

stube' usw.) — fi. *kylä* 'Dorf' (98); *mi* 'what' — fi.-ugr. *mi-* 'was' (116); *onzan* 'Pflug' — komi *amys* 'Плугсchar' (138); *siŋa, siŋeri* 'sorrel' — fi. *hiiri*, komi *šyr*, ung. *egér* 'Maus' (183); *sjū* 'embroidery' — ung. *szűcs* 'Kürschner' (187); *sul, sus* 'charcoal' — fi. *sysi* 'Kohle' (189). Aus den samojedischen Sprachen hat Ramstedt ungefähr 25 Wörter mit koreanischen Entsprechungen zusammengestellt. Ihre ursprüngliche Zusammengehörigkeit ist

meistens äußerst fraglich. Außerdem gibt es keinen Grund daran zu zweifeln, daß einige koreanische Wörter über die tungusischen und mongolischen Sprachen zu den uralischen Völkern gekommen sind. Abschließend ist zu konstatieren, daß die publizierten Paralipomena immerhin neue Beweise für die uralten Beziehungen zwischen dem Koreanischen und den altai-schen und uralischen Sprachen offerieren.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.1.21>

Е. Н. Лисина, Функциональные аналоги русской префиксации в эрзя-мордовском литературном языке в системе глагола, Саранск 1982.

28 февраля 1983 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Е. Н. Лисиной по теме «Функциональные аналоги русской префиксации в эрзя-мордовском литературном языке в системе глагола». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук М. В. Мосин (Саранск).

Если система русского языка, как и других индоевропейских языков, имеет в основном префиксальный характер, то финно-угорские языки по сути своей являются суффиксальными. Эта черта проходит в них через всю систему, характеризует и глагол. Для конкретного же сопоставления, например, русского языка с эрзя-мордовским, как делает в своей работе Е. Н. Лисина, эта схематическая модель недостаточна. При ближайшем рассмотрении выясняется, что русской префиксации в глагольной системе соответствует в эрзя-мордовском сложный комплекс грамматических категорий.

Эти соответствия до сих пор оставались неизученными, что говорит об актуальности и теоретической значимости поставленной проблемы. Проблема актуальна и в плане практическом — при преподавании русского языка в мордовской

школе. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при сопоставлении соответствующих учебных пособий, а также русско-эрзянского и эрзянско-русского словарей.

Автор ставит перед собой две основные задачи: 1) описать все морфологические средства эрзя-мордовского языка, используемые для передачи грамматических функций русских префиксальных глаголов, 2) провести подробный анализ семантики всех русских глагольных префиксов и определить соответствующие им семантические аналоги эрзянского литературного языка.

Е. Н. Лисина справилась с поставленными задачами; наиболее существенные результаты исследования иллюстрируются обзорными таблицами и схемами. Метод, используемый в работе, — сопоставительный, как и естественно в подобных структурно-типологических трудах.

Исследование (177 машинописных страниц) состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Оно содержит семь таблиц и 34 схемы.

Во «Введении» (с. 2—16) обосновывается выбор темы, определяются цели и задачи исследования. Автор подчеркивает, что в мордовском языкознании отсутствуют серьезные работы сопоставительного плана. Во введении автор исследования знакомит и с источниками материала, анализируемого в работе. Они многообразны: извлечения из оригинальной мордовской литературы; тексты из периодической печати; эрзянско-русский и русско-эрзянский словари; картотека рус-

ских префиксальных глаголов, извлеченных из словарей, насчитывающая более четырех тысяч карточек; картотека мордовских глаголов-аналогов (свыше пяти тысяч карточек), собранная автором.

Первая глава «Грамматическая функция русских префиксов и средства их передачи в эрзя-мордовском литературном языке» (с. 17—60) включает четыре раздела. Отдельно рассматриваются возможности передачи в эрзя-мордовском языке значений русских префиксальных глаголов совершенного и несовершенного вида. Префиксация в русском языке, как известно, совмещает две функции: словообразовательную (расширение глагольной лексики) и грамматическую (образование глаголов совершенного вида). Одной из задач автора и является выяснение, какие грамматические средства выражения значений русских префиксальных глаголов совершенного вида используются в эрзя-мордовском языке. В этой же главе выявляются и средства выражения семантики префиксальных глаголов несовершенного вида в эрзянском языке. В отдельной группе рассматриваются особые глаголы как средство передачи значений русских префиксальных глаголов.

В русском языке префиксы — не единственное средство образования вида глагола, но анализ других морфологических средств (суффиксация — *дать—давать*, супплетивизм — *говорить—сказать* и др.) не входил в задачи данной работы. Анализируя суждения ряда авторов (М. Е. Евсевьев, Д. В. Бубрих, Е. С. Ипполитова, Б. А. Серебrenников и др.) о категории вида в мордовских языках, Е. Н. Лисина делает справедливый вывод об отсутствии в мордовских языках регулярно оформленного вида; тем не менее эти языки отлично передают значения данной категории посредством иных средств.

В инфинитиве мордовские языки видовых оттенков не различают, они появляются в спрягаемой форме. Можно согласиться с выводом Е. Н. Лисиной о том, что средством передачи законченного действия в эрзя-мордовском языке являются глаголы объектного спряжения в прошедшем и будущем времени (*кандыя* 'принес', *кандса* 'принесу'), формы безобъектного спряжения в настоящем, будущем и настоящем времени с наречным конкретизатором (*сон сермады серма* 'он пишет

письмо' — *сон сермады серма мейле* — наречный конкретизатор *мейле* 'потом'), сочетания глагола-частицы *-теемс* 'сделать' (только в форме прошедшего и будущего времени: *ярсамс-теемс* 'поест'), сочетание простой формы глагола с наречным конкретизатором, дееспричастием или существительным с послелогом (*чиезь совамс* 'вбежать', *нельгезь нельгемс* 'вырвать' и др.), парные глаголы (*касомс-кетемс* 'вырасти', *сокамс-изамс* 'вспахать').

Значительно меньше грамматических средств требует эрзянскому языку для передачи совершенного вида в значении начала действия. Русским префиксам *за-*, *по-*, *воз-* соответствуют мордовские глагольные суффиксы *-зев-*, *-гад-/кад-* (*авар-дзевемс* 'заплакать'), аналитические же конструкции русского языка с глаголом *начать* на эрзянский язык следует переводить словом того же значения — *ушодомс*, *уствамс*, *кармамс* (*ушодомс морамо* 'начать петь').

Русским префиксальным глаголам несовершенного вида со значением многократности в эрзянском языке соответствуют многократные глаголы с суффиксами *-кин-*, *-л-*, *-н-*, *-с-*, *-ч-* (*сермалемс алов* 'подписывать'). Это явление в работе иллюстрируется соответствующими таблицами. Однако по мнению рецензентов в целях более глубокой интерпретации предлагаемой информации следовало бы иногда смелее привлекать и диахронический аспект. Было бы интересно узнать о том, что ряд мордовских суффиксов, соответствующих русским префиксам, отражает некоторые исконно присущие финно-угорским (уральским) языкам свойства: будучи весьма древними, они могут в этом же значении восходить и к праязыку (уральским по происхождению является, напр., суффикс *-l-*).

В конце первой главы рассматриваются русские префиксы со значением противопоставления и другие особые случаи. В мордовских языках значение противопоставления передается разнокорневыми глаголами (*панжомс* — *пекстамс* 'открыть — закрыть').

Вторая глава «Лексико-грамматическая функция русских префиксов и средства их выражения в эрзя-мордовском литературном языке» (с. 61—164) посвящена лексической семантике 25 русских глагольных префиксов. Е. Н. Лисина пра-

вильно подчеркивает, что значения глагольных префиксов русского языка находят соответствия в эрзя-мордовском языке, но эта грамматическая категория восполняется другими грамматическими средствами. Автор раскрывает здесь в основном семантику всех русских префиксов и приводит эрзянские аналоги на иллюстративном материале из произведений мордовских писателей. Соответствующими русским префиксам средствами могут выступать лексические единицы, простые формы глагола, сочетания простой формы глагола с инфинитивом, суффиксальные глаголы, деепричастия, наречные конкретизаторы, вспомогательные глаголы + инфинитив, парные глаголы и т. д. (всего 16 возможностей). Выводы наглядно иллюстрируются 34 схемами и большой сводной таблицей, занимающей 11 с. Таблица дает полный обзор всех эрзя-мордовских функциональных аналогов русским префиксам с учетом как семантико-формального, так и статистического аспекта.

В «Заключении» автор еще раз кратко останавливается на наиболее существенных результатах исследования. Выводы достоверны и могут быть использованы как в научной литературе, так и в практике.

Некоторые выводы автора, однако, требуют уточнения. Например, нельзя согласиться с мнением Е. Н. Лисиной о том, что глагол-частица *-теемс* 'сделать' теряет свое лексическое значение и, превращаясь в формальное грамматическое средство, может сочетаться с любым глаголом. Имеется заметное количество глаголов, с которыми глагол-частица *-теемс* не может сочетаться, например, *вешемс* 'просить', *сыргоземс* 'проснуться'. По мнению рецензентов, как первая, так и вторая главы были бы интересней и весомей в теоретическом отношении, если бы автор привела сравнительные данные о средствах и способах передачи значений русских префиксальных глаголов в других финно-угорских языках. Нецелесообразна и повторяемость перечисления всех глагольных приставок (с. 9—12). Не всегда удачно переданы значения русских префиксальных глаголов в эрзянском языке (с. 10, 11, 32).

Эти недостатки и погрешности, разумеется, не снижают практической и теоретической ценности диссертации.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту),
МИХАИЛ МОСИН (Саранск)

СЕМИНАР ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ ПО ТОПОНИМИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

29—31 марта 1983 г. в Свердловске в Уральском государственном университете им. А. М. Горького проходил семинар проблемной группы по топонимии и географической терминологии Урала и севера Европейской части СССР. Семинар был организован по инициативе кафедры русского языка и общего языкознания, которой более 20 лет руководит доктор филологических наук профессор А. К. Матвеев. Топонимические исследования — одно из важнейших научных направлений кафедры. При ней функционирует Севернорусская топонимическая экспедиция, занимающаяся регулярным и планомерным сбором географических названий на территории ряда областей — Архангельской, Вологодской, Костромской, Свердловской, Тюменской и др. Топонимическая картотека кафедры, насчитывающая более миллиона карточек, представляет собой уни-

кальное собрание словарных материалов, обладающих исключительной ценностью для лингвистов и историков, в том числе и для финно-угроведов.

На материале этой картотеки решен ряд важных вопросов общей, региональной и теоретической топонимистики, а также методики топонимических исследований. В значительной степени удалось воссоздать лингвистическую карту севера Европейской части СССР и Зауралья в прошлом, установить основные структурные и семантические типы русской топонимии Севера и Урала, выявить закономерности топонимической номинации в целом; на ее базе составлены «Краткий словарь субстратных топонимов на территории Русского Севера» и «Атлас севернорусской субстратной топонимии», а также выполнены и защищены докторская и семь кандидатских диссертаций. Регулярно выпускаются